

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

Где проспект Ивана Калиты?

Нигде. В Москве такого нет, как нет площади, улицы или переулочка, носящего имя этого рачительного князя, который, говоря по-современному, запустил процесс превращения одного из окраинных городов Золотой орды в столицу Руси — собирательницу земель русских. Калитниковские улицы и проезды к Калите отношения не имеют, они лишь напоминают о том, что встарь здесь проживали калитники — ремесленники, мастерившие кошельки. Странное дело, за исключением Юрия Долгорукого, Александра Невского и Дмитрия Донского (их Советская власть в трудную годину призвала под свои знамена), ни один другой венценосный Рюрикович или Романов не увековечен в московской топонимике. Где славные имена Ивана III, окончательно одолевшего ордынское иго, или Алексея Михайловича Тишайшего, начинавшего «мягкую» модернизацию России, которую его необузданный сын Петр «рукой железной поднял на дыбы». Кстати, Петровка получила свое имя не в честь Петра Великого, а из-за близости Высоко-Петровского монастыря. Есть, правда, названия, косвенно хранящие память о великих монархах: Александровский сад (разбит при Александре Первом), Екатерининский сад (при-

надлежал одноименному институту благородных девиц), Николаевский тупик — упирался в Николаевскую железную дорогу и чудом (а может, с глумливым умыслом) сохранен большевиками. Вот вроде и все. Ни тебе Александра Второго Освободителя, ни Александра Третьего Миротворца, ни царя-мученика Николая Второго. Знаете, вообще-то я не монархист, но и у меня такая «монархофобия» вызывает недоумение. Тот, кто бывал в столицах мира, наверное, замечал: там имена императоров, королей, курфюрстов и других суверенов, даже невеликих, непременно запечатлены в названиях улиц. Я уже не говорю про Чингисхана, который в иных среднеазиатских республиках давно по частоте употребления затмил Ленина с Марксом. А в Москве нет даже улицы родоначальника царской династии — Михаила Федоровича. Как-то даже неловко в преддверии 400-летия Дома Романовых! Но не спешите, читатель, удивляться всем этим странностям, мы только вступаем в паноптикум парадоксальной московской топонимики.

Небрежение самодержцами было бы понятно при ранних коммунистах, они взрывали храмы, переименовывали все, что напоминало о «тюрьме народов» и «самовластных

злодеях», принципиально называли улицы во славу бунтовщиков-мятежников, если выражаться по старому стилю, и народных вожakov — если по новому: Разина, Пугачева, Болотникова. Не забывали и цареубийц с бомбистами — Каляева и Халтурина. Но это было прежде, при ВКП(б) — КПСС. А что же сегодня, когда первые лица стоят со свечками в храмах, а визит в Отечество кого-нибудь из остаточных Романовых выглядит чуть ли не встречей в «верхах»? Да, в Москве нет теперь улиц Разина и Каляева... И правильно, нечего бунтовать против властей. Зато улицы Пугачевская, Халтуринская и Болотниковская целехоньки. Забыли про них, что ли, в угаре первичного накопления или решили, что всех смутьянов из истории тоже выкидывать не стоит? Не ясно.

Но с особой бережностью Москва хранит память о декабристах, многие персонажи первого этапа освободительного движения получили прописку на улицах города: Каховский, Бестужевы, Одоевский... Люди, конечно, были талантливые, смелые, с размахом, мечтали реформировать Россию, не стеснясь в средствах. Сам я недолго жил на улице Пестеля, который так планировал после уничтожения династии решить еврейский вопрос: предложить им креститься, а тех, кто откажется, построить в колонны и пешедралом отправить в Палестину. Он был твердо уверен, что миллионную толпу, возвращающуюся на историческую родину, остановить никто не захочет, даже покормят и с собой дадут. М-да, сложись на Сенатской все иначе, и будить было бы некого. А для героя Отечественной войны 1812 года генерала Милорадовича, некрасиво застреленного Каховским, переулочка в Москве не нашлось...

Такая же грустная участь постигла многих государственных мужей, послуживших укреплению державы.

Есть Сибирская улица, но нет улицы Ермака Тимофеевича — первопроходца Сибири. Ермакова Роща всего лишь увековечила фамилию давнего домовладельца. А как пройти на площадь Столыпина? Никак. Ее тоже нет на карте Москвы. Поразительно! Ведь в том вязком информационном натиске, что заменяет нам нынче идеологию, Петр Аркадьевич представлен как самый главный и успешный реформатор за всю нашу историю. К тому же он любимец Никиты Михалкова, который продавливал его на первое место в телешоу «Имя России», будто приятеля-режиссера на премию «Золотого орла». А вот аллея Сергея Юльевича Витте в Москве имеется. Правда, странно? Столыпина нет, а Витте есть. С чего бы? Ах, ну да, Витте как бы либерал, а Столыпин — монархист... Впрочем это — лишь самая невинная из тех столичных нелепиц, что заставили меня усесться за недоуменно-топонимические заметки.

Когда-то, будучи молодым поэтом, я сочинил стихотворение «Прогулка по Москве», где были такие строки:

Как неярким апрелем припрятанный снег
От лучей посторонних,
Я ищу девятнадцатый век
В подворотнях...

А и в самом деле, давайте поищем XIX век, шагая по столице. Где, например, улица графа Дмитрия Владимировича Голицына. Кто такой? Ну как же! Возглавлял Москву с 1820-го по 1844 год. Отец города! Забыли. Не помешал бы и переулок генерала Джунковского, он руководил столицей в труднейшее время (1905—1915), много сделал для Первопрестольной, «утратив доверие» царя, попросился на фронт, остался после Октября в России и погиб в 1938 году. Это теперь уволенные начальники тихо убывают в свои заграничные замки, а царские сатрапы, как и большевистские наймиты, были куда усидчивее, скромнее и патриотичнее.

Но может быть, мы найдем улицу Николая Александровича Алексеева? Кто такой? Удивительный человек! Он был с 1885-го по 1893 год московским головой. Этот предприниматель, пошедший, говоря по-нынешнему, во власть, устроил в столице современную канализацию, водопровод, обрел для города Третьяковскую галерею и трагически погиб от рук сумасшедшего убийцы в своем думском кабинете. Но нет, его имя тоже не увековечено. Есть, правда, улица и два переулка Петра Алексеева, известного рабочего-революционера, но это, как говорится, совсем из другой оперы. А метро «Алексеевская» поименовано так в память старинного села. Раньше станция называлась «Щербаковская» — в честь Александра Щербакова, с 1938-го по 1945 год возглавлявшего Москву и организовывавшего оборону столицы от фашистов. Но поскольку он был из «гнезда Иосифова», то его имя в 1990-м исчезло с карты города вместе с именами Жданова и Куйбышева. Хотя в то же время улицы Шверника и Орджоникидзе, других сталинских соратников, сохранились как ни в чем не бывало. Чудеса!

Двадцать лет нам внушают, что Российская империя подошла к Первой мировой войне в небывалом расцвете, кормила весь мир отборным зерном. Это — правда, как и то, что собственные подданные хронически недоедали и даже порой голодали. Нас уверяют, что Октябрь был катастрофой, красным колесом, прошедшим по цветущей стране, что Белое движение потерпело крах из-за того, что каппелевцы, марковцы и дроздовцы были чисты, наивны, благородны, а потому бессильны против злобных шариковых, вооруженных винтовками Мосина и возглавляемых Швондерами в кожаных тужурках. Допустим. Но в таком случае покажите мне хотя бы переулочек генерала Лавра Корни-

лова, поднявшего знамя борьбы с боготорческим режимом! Проводите меня к бульвару генерала Деникина, на улицу адмирала Колчака или хотя бы в тупичок Врангеля! Увы, в топонимике Москвы нет ничего, напоминающего о мучениках белой идеи.

Зато есть Абельмановская улица и площадь Абельмановской заставы. Названы так в честь большевика Николая Абельмана, погибшего при подавлении левозсеровского мятежа в 1918-м. Есть улица штурмовика Зимнего дворца Антонова-Овсеенко. Имеется улица Баумана, сохранившая имя революционера, убитого во время событий 1905 года. Есть улица Сергея Лазо, героя Гражданской войны, сожженного японцами в паровозной топке. Мы доезжаем до станции метро «Добрынинская» и можем гулять по четырем Добрынинским переулкам, названным в честь Петра Добрынина, организатора Красной гвардии. Имеется и улица Маршала Тухачевского, не только продувшего Варшавскую операцию, но и травившего газами тамбовских повстанцев... Есть улицы организатора Красной армии Подвойского и целых шесть проездов Подбельского, наркома почти и телеграфов, которые взяли прежде всего. Потом он усмирлял Ярославское восстание и умер в 1920-м от тифа. Сохранена память о лихих революционных матросах Железняке и Дыбенко. Осталась улица, носящая имя секретаря Ленина большевички Фотиевой, приглядывавшей за большим шефом. Есть улицы пламенных большевичек Елены Стасовой и Инессы Арманд, которая была, как теперь известно, последней любовью вождя мировой революции.

Сам я рос в Балакиревском переулке в полной уверенности, что этот кусочек старой Москвы зовется так в честь русского композитора из «Могучей кучки»: тогда не вешали на сте-

нах таблички, объясняющие происхождение и смысл названия. Лишь со временем мне удалось узнать, что бывший Рыкунов переулок переименован в честь большевика, рабочего пуговичной фабрики Николая Балакирева, участвовавшего в октябрьских боях и умершего опять же от тифа на колчаковском фронте. После этого уже не кажется странным, что нетронутыми остались улицы Дундича, Боженко, Щорса и Чапаева. Все-таки легендарные люди, про них сняты фильмы. А вот память мальчишек-юнкеров, засевших в 1917-м в Кремле и тщетно пытавшихся защитить законную власть, никак не увековечена.

В общем, в Москве остались десятки, если не сотни названий, хранящих для потомков имена борцов за власть Советов. Разумеется, недопустимо вычеркивать из истории столицы людей, установивших строй, при котором страна не так уж плохо прожила семьдесят лет. Многие из советских достижений я бы мечтал перенести в наше время. И такое обилие «красных» имен не вызывало бы у меня неприятия, если бы при этом целые пласты отечественной истории не выпали из столичной топонимики. Ну скажите, зачем нам с вами революционный пуговичник Балакирев, забытый уже при Советской власти, если нет улицы имени его великого однофамильца? Зачем нам Клара Цеткин, если нет улицы княгини Софьи Щербатовой, великой благотворительницы, создавшей в Москве сеть приютов и богаделен?

В 1990-е годы на мутной волне молодого, задорного антисоветизма были переименованы многие улицы Москвы. Например, улицу Горького сделали Тверской. И поделом — недружи с большевиками. А с другой стороны, с кем еще дружить «буревестнику революции»? Улица Грибоедова снова стала Малой Харитоньевской, улица

великого драматурга Островского — Малой Ордынкой, переулок писателя-страдальца Николая Островского, чья житийная повесть «Как закалялась сталь» переведена на все мировые языки, стал зваться Пречистенским, хотя до 1937-го именовался Мертвым по имени домовладельца Мертваго (не путать с Живаго). Очевидно, в данном случае тяга к благозвучию победила порыв к исторической аутентичности. Площадь Маяковского снова стала Триумфальной. Площадь Лермонтова — Красными Воротами. Улица Герцена обернулась Большой Никитской, улица Алексея Толстого — Спиридоновкой. А ведь в ту пору уже имелись площадь Никитских Ворот, сохраняющая вечную память о Никитском монастыре, а также Спиридоньевский переулок. Зачем же было трогать больших писателей? Кстати, улица пролетарского поэта Филиппа Шкулева, автора песни «Мы кузнецы, и дух наш молод...», сохранена в неприкосновенности. С чего бы это?

Первоначальный замысел ясен и логичен: вернуть дореволюционные названия, дабы восстановить историческую справедливость и убрать с карт скороспелые плоды большевистского своеволия. Согласен. Но тогда почему улицу Дурова не переименовали обратно Божедомкой? Возможно, те, кто занимался переименованиями, посещали в детстве Уголок Дурова, вспомнили, проследились и пощадили великого дрессировщика. Но ведь и «Золотой ключик» они наверняка читали. Однако Алексею Толстому это не помогло. Так же непонятно, почему Большая Коммунистическая не стала, как встарь, Большой Алексеевской в честь храма митрополита московского Алексия, а сделалась вдруг улицей Солженицына? Думаю, великому правдопроходцу и справедливцу это бы не понравилось. Или вот еще любопытный пример. Долгие годы в

центре была улица Дмитрия Медведева, Героя Советского Союза, писателя, автора мемуаров «Это было под Ровно», но потом ей вернули прежнее название Старопименовский переулок, а имя литератора-партизана присвоили в 2005-м улице в районе Косино-Ухтомский. Разве нельзя было так же поступить с писателями, куда более значительными? Не понимаю! Нечто похожее случилось и со Станиславским. Переулку, носившему имя великого реформатора сцены, вернули прежнее название — Леонтьевский, а улицей Станиславского стала бывшая Малая Коммунистическая. При этом как-то незаметно потеряли улицу Нemiровича-Данченко, зато у нас снова есть Глинищевский переулок. Какое счастье!

Идем по Москве далее. Если «застой» 1970—1980-х погубил страну, как ныне принято считать, то почему остался проспект Андропова, и к стене его дома на Кутузовском привинчена мемориальная доска? А если «застой» был не так уж плох — во всяком случае, не столь вреден стране, как гайдаровские реформы, — то почему у нас в таком случае нет улицы Брежневой? И почему мемориальная доска в честь генсека, руководившего страной без малого двадцать лет, висит не на Кутузовском проспекте, где он жил в квартире, на которую бы не позарился теперь чиновник средней руки, а прибита она почему-то около Бранденбургских ворот в Берлине на посмешище туристам. При этом в Строгино осталась улица члена брежневского Политбюро Федора Кулакова. Абсурд!

И таких странностей в нашем городе хоть отбавляй. Исчезла вкупе с памятником площадь Дзержинского — главного чекиста, пролившего во имя революции немало кровушки. Может, и правильно исчезла — «не губи несчастных по темницам»! Но тогда почему осталась улица Вяче-

слава Менжинского, сменившего Железного Феликса на посту председателя ВЧК—ОГПУ? Почему сохранена улица Михаила Кедрова — начальника Особого отдела ВЧК? Зачем нам улица пламенного австро-венгра Бела Куна, ох, и полюбившего в России, организовавшего вместе с Розалией Землячкой в Крыму массовое истребление белых офицеров, уже сложивших оружие. Да, улица, полвека носившая имя кровавой Землячки, ныне называется Большой Татарской. А вот имя одного из организаторов уничтожения последнего русского императора и его семьи — Петра Войкова — продолжают носить станция метро, улица и целых пять проездов! Иногда дело объясняют так: мол, Войкова увековечили не как цареубийцу, а как советского полпреда, погибшего на посту. Володарский тоже был убит на посту. Но его улица теперь называется Гончарной. Исчез без следа из городской топонимики Свердлов, куда более значительный деятель Октября, вдохновитель расстрела Романовых. А Войков, как заговоренный, хотя пишут об этом и возмущаются двадцать лет. Вы что-нибудь понимаете? Я ничего не понимаю...

И снова хочется спросить: если Октябрьская революция — катастрофа, своротившая Россию с цивилизованного пути, то почему же в эти два десятилетия, когда антисоветизм стал нашей потаенной государственной идеологией, не появились площади, улицы и переулки, носящие имена тех, кто противостоял надвигающейся буре. Где улицы Победоносцева, Каткова, Суворина, Дубровина, Михаила Меньшикова? Где бульвар героев Ледяного похода? Что происходит? Почему в учебниках одна история, а на московских улицах другая? Кстати, в Первопрестольной не нашлось места многим великим русским историкам — Нестору, Татищеву, Со-

ловьеву, Костомарову, Иловайскому, Бартеневу... «Минуточку, а Костомаровская набережная и улица Татищева?» — встрепетается бдительный москвич. Увы, эти названия сохранили фамилии бывших домовладельцев и к нашим «геродотам» отношения не имеют. Точно так же не имеют отношения к великому издателю Сытину, насытившему Россию доступными дешевыми книгами, Сытинские переулки и тупик. Все-таки частная собственность — великая вещь: прикупил домик и остался в Истории. К счастью, в центре сохранились улицы историков Ивана Забелина и М. П. Погодина, последняя даже с мемориальной избой. Да еще имеется проезд Николая Карамзина, упирающийся в Московскую окружную дорогу. М-да, так далеко великого историографа власть не посылала даже после крамольной «Записки о новой и древней России».

И еще об истории. Конечно, за двадцать лет постсоветской власти в московских названиях поубавилось число революционеров-демократов и разных прогрессистов. Пострадали Герцен, Белинский, Грановский, Огарев, Некрасов. Некрасовская улица к автору «Русских женщин» отношения не имеет. Впрочем, зацепились и уцелели улицы-переулки революционеров-демократов Добролюбова и Чернышевского, анархистов Бакунина и Кропоткина. А вот их оппонентам-славянофилам всегда не везло: и при царях, и при коммунистах, и при демократах. Третье отделение за ними следило, тиранило, их даже сажали в Петропавловскую крепость, как и революционеров. За что? Вроде бы Русь к топору не звали, уповали на крестьянскую общину и ставили православие выше папизма. Одна беда: слишком большое значение придавали русскому народу. А если учесть, что высший слой в империи был интернациональным, и поляков с остзейцами

толпилось у трона едва ли не больше, чем лиц «титутльной национальности», нелюбовь начальства к славянофилам понять можно. Но и после Октября эти старорежимные беды им не зачлись. Щедро воздав жертвам прежнего строя и увековечив их в городских названиях, большевики даже не вспомнили про братьев Аксаковых и Киреевских, Хомякова, Самарина. Самаринская улица к последнему опять же никакого отношения не имеет. За близость к славянофилам пострадал и самый московский из поэтов — Аполлон Григорьев, не получив прописки даже в малосеньком переулке:

Поговори хоть ты со мной,
Гитара семиструнная...

Надо ли объяснять, что новый правящий слой, певший «Интернационал» при каждом удобном случае и порой плохо изъяснявшийся по-русски, зато сплоченный вокруг ЦК, вообще считал славянофилов просто разбавленными черносотенцами. Допустим. Но потом-то, после 1991-го, когда все бросились восстанавливать храмы и атрибуты имперского прошлого, вплоть до двуглавого орла? Полноте! Достаточно вспомнить, что за публика внесла Ельцина в Кремль, чтобы сообразить: в «новой России» у славянофилов не было никаких шансов.

Зато в московской топонимике до сих пор широко представлен революционный Интернационал. Я не говорю о титанах и классиках коммунизма: улицы Марксистская, Энгельса, Розы Люксембург, целых три — Бебеля... Заслужили, видимо. Но зачем нам в Москве столько мирового коммунистического, рабочего и прочих прогрессивных движений? Судите сами: мы ходим по улицам Вильгельма Пика, Улофа Пальме, Сальвадора Альенде, Иосипа Броз Тито, Хулиана Гримау, Луиджи Лонго, Ле Зуана, Саморы Машела, Хо Ши Мина, Миклухо-

Маклая... Уп-с-с... Извините, это наш русский путешественник. Кроме того, у нас есть площади Кабрала Амилкара — борца за свободу островов Зеленого мыса, Виктора Кадовилья — рабочего вожака Аргентины, Мартина Лютера Кинга, Джавахарлала Неру, улица Саяма Адиля... Есть даже улица первого президента Чехословацкой академии наук Зденека Неедлы. А вот улицы, названной в честь первого президента Российской академии наук княгини Екатерины Дашковой, нет и в помине. Чудеса!

Зато увековечены в городских названиях имена мастеров *культуры* тех советских республик, которые двадцать лет назад — кто с радостью, кто с неохотой — покинули «нерушимый союз народов». Можно прогуляться по бульвару латышского классика Яна Райниса и улице литовской поэтессы Саломеи Нерис. Кстати, улицы Марины Цветаевой в Москве нет. Зато есть проезд Кристионаса Донелайтиса, литовского баснописца XVIII века. Вы думаете, мне жалко? Не жалко, пусть будет. Жалко, что в Москве нет даже переулочка нашего великого баснописца Ивана Андреевича Крылова. Общеизвестная русская всеотзывчивость не должна все-таки достигать градуса идиотического самозабвения. И сегодня, когда прибалтийские лимитрофы выскребли со своих улиц любые названия, напоминающие об изначальном русском, как, впрочем, и немецком присутствии в этих краях, возникает чувство недоумения. Мы, конечно, большой и добрый народ, но сколько можно отвечать на мелкодержавное хамство прежних братских республик широтой и великодушием? Может, последовать совету Достоевского и слегка сузиться?

Нет, я не призываю немедленно переименовать улицу Вилиса Лациса в улицу Виля Липатова. Пусть остается: все-таки человек был не только пи-

сателем, но и председателем Совета национальностей Верховного Совета СССР. И когда? В тяжкие времена «оккупации» Литвы Советским Союзом, который, кстати, подарил в 1945-м гордым жмудинам их столицу — Вильнюс, этим городом прежде владели не менее гордые поляки. Кстати, за «оккупацию» литовская власть хочет с нас получить денежную компенсацию. А любопытно узнать: сколько стоит Вильнюс? Повторю: я не призываю убирать следы былой всеотзывчивости, я просто задаю вопрос: уместно ли такое интернациональное простодушие, когда множество выдающихся российских деятелей культуры никак не запечатлены на карте города. Где улицы Загоскина, Кустодиева, Шаляпина, Рахманинова, Петрова-Водкина, Салтыкова-Щедрина, Блока, архитекторов Мельникова, Весниных (была — теперь Денежный переулок), Прокофьева, Улановой, Чайковского (была — теперь Новинский бульвар), Мейерхольда, Тукая? Почему у нас есть улица Багрицкого и нет улицы Заболоцкого? Есть улица Дунаевского и нет улицы Шостаковича? Есть улица Симонова и нет улицы Леонова? Есть улица полузабытого писателя Панферова и нет улицы великого Андрея Платонова? Почему улица имени не самого выдающегося литератора Серафимовича находится в районе Якиманки, а улицу Шолохова, крупнейшего русского писателя XX века, сослали за Окружную, в Ново-Переделкино? Где логика? Где система? Где здравый смысл? Даже про Высоцкого забыли, а жил, кстати, он на Малой Грузинской, напротив кафедрального костела. Может, достаточно одной Большой Грузинской?

В предисловии к добротной книге «Москва. Именные улицы города» (М., «ООСТ», 2010) читаем: «В Москве существует удивительное переплетение имен, которые захваты-

вают исследователя, приоткрывают неизведанные факты. Некоторые имена забыты, и их значение современному гражданину покажется преувеличенным. Однако все это — наше достояние...» В самом деле, сегодня трудно понять, почему есть улица Асеева и нет улицы Пастернака, есть улица Демьяна Бедного и нет улицы Мандельштама, имеется улица полузабытого Корнейчука и не отыщешь улицу Булгакова. Существует улица странного, конспирологического дипломата-финансиста Ганецкого (Фюрстенберга), работавшего позже начальником Государственного объединения музыки, эстрады и цирка и расстрелянного в 1937-м, надо полагать, не за погрешности в цирковом репертуаре. При этом никак не увековечен выдающийся советский государственный деятель Вознесенский, планировавший перестройку нашей *экономики* во время войны и сгинувший по «Ленинградскому делу». Зато у нас есть целых шесть Советских улиц, разбросанных в разных концах города!

Нет-нет, я вовсе не за то, чтобы снова все переименовать. Хватит — напереименовывались. Но, с другой стороны, отсутствие многих знаковых, исторически необходимых имен на стогнах столицы — это какое-то клиническое беспамятство. Представьте себе семейный фотоальбом, где есть снимки тети из Тотьмы и дяди из Ростова, но нет отца с матерью. Нонсенс! Это я снова про Ивана Калиту. Что же делать? Как исправить ситуацию, никого не ущемив? Очень просто. У нас в Москве множество названий, которые выполняют, уж простите, примерно ту же функцию, что и соя в докторской колбасе. Как понимать, например, Газгольдерную улицу, Факкультетский переулок, Магистральный тупик и Федеративный пруд? Что такое Трудовая аллея? Куда прикажете девать три Новоостанкинских улицы,

три Тишинских, четыре Стрелецких, пять Котельнических и шесть Новоподмосковных переулков? Ладно, так и быть, три Новомихалковских проезда можно зарезервировать за известным семейством, но к чему городу три Хорошевских, три Павелецких, четыре Волоколамских, шесть Роцинских проездов, россыпь Внуковских и Владимирских улиц, а также четыре Самотечных переулков? И если вернуться к царевубийству: зачем нам пять Войковских проездов? У нас целое гнездо Соколиных Гор и Соколиных улиц! Зачем нам несколько Полевых улиц и переулков в разных концах города? Я уже не говорю о сладких парочках, вроде 1-го и 2-го Волконского переулков, 1-й и 2-й Вольских улицах, 1-м и 2-м Вражских переулках. А 1-я и 2-я Рейсовые улицы! Вот ведь — так и чуешь дыхание седой русской истории: Ре-е-ейсовая! Да что там Рейсовая! У нас пять Кабельных улиц и два проезда! Но и это еще не все — наша топонимическая сокровищница неисчерпаема: три Сетуньских, четыре Красносельских, шесть Железнодорожных, семь улиц Лазенки, шестнадцать Парковых... Назвали бы хоть одну из них в честь академика Лихачева, исследователя дворянской парковой культуры России. Нет, мы будем упорно ходить по шестнадцати Парковым улицам и одиннадцати Радиальным, но принципами не поступимся! Кстати, в Москве есть четыре Лихачевских переулков, не имеющих отношения к академику-гуманисту.

Нет, я не против исторических корней — я и сам, если честно сказать, полупочвенник, встану грудью и не дам срыть Лихоборские Бутры или выкопать Кашенкин Лут! Но помилуйте: Строительный проезд, Технический переулок, Рабочая улица (бывшие Коломенки), Крестьянские площадь, улица и тупик, Ткацкая улица (бывшие Благуши), Товарищеский переулок

(бывший Дурной), три переулка Тружеников (бывшие Воздвиженские)... Имеется также полный Заводской комплект: улица, шоссе, переулок, проезд и тупик. Скажите, это память о чем? О классовой солидарности? Тогда где Интеллигентский тупик? Вот шоссе Энтузиастов — это да, это я понимаю. Красиво! «Нам нет преград ни в море, ни на суше!» А улица Дружбы? Это еще что такое? Дружбы с кем? Против кого?.. Непонятно.

Конечно, все можно объяснить, а кое-что даже понять. Стремительный рост Москвы часто опережал фантазию ответственных лиц. К тому же именную топонимику столицы нужно согласовывать в Кремле, а там могут неверно понять, рассердиться, утратить доверие... Себе дороже. Лучше назвать улицу Ровной или Стандартной, а проезд Фармацевтическим или Трикотажным — и спать спокойно. Конечно, я не специалист, и, вполне вероятно, записному москвоведу или городскому блюстителю мои заметки покажутся наивными, неточными, даже местами возмутительными. Заранее прошу прощения! Я просто хотел взглянуть на названия наших улиц с точки зрения здравого смысла, которого порой лишены эксперты, погруженные в свою специальность, как мыши в крупу. Убейте, но никто не убедит меня в необходимости трех Радиаторских улиц, а также Электродной улицы, Электродного переулка и Электродного проезда, если у нас не увековечены имена великих ученых и инженеров, например: зачинателя ракетно-космической техники Владимира Бармина, создателей лазера Александра Прохорова и Николая Басова (Басовская улица не про него), отца нашей электронно-вычислительной техники Сергея Лебедева... Зачем, скажите, нам аж три Балтийских переулка, если забыт великий флотоводец адмирал Кузнецов? А ведь он

вопреки директивам, рискуя головой, подготовил и осуществил отпор фашистам на Балтике. Если бы остальные военачальники встретили Гитлера так же, как Кузнецов, ход войны мог быть иным, а жертв куда меньше. Но у нас нет улицы адмирала Кузнецова, зато есть Балтийская улица и три Балтийских переулка. Зачем, скажите, нам улицы и проспекты в честь 10—40—50—60-летия Октября? Может, довольно с нас Октябрьской улицы и Октябрьского Поля? А вот переулочек Февральской революции не помешал бы. Кстати, за исключением генерала Брусилова, герои и подвиги Второй Отечественной, сиречь Германской войны, никак не запечатлены в городских названиях. Видимо, тайная вина поражения скреблась в душе правящей партии и заставляла избегать лишних упоминаний об «империалистической бойне». Мол, какие на бойне герои?! Но коммунисты уже двадцать лет не при власти. Скоро столетие Первой мировой. Может, наконец очнемся от исторической амнезии? Я не говорю уже о Сталинградской битве, оставившей след в топонимике многих столиц мира, кроме, понятно, Москвы. Имя Сталина в Первопрестольной — табу, как, впрочем, и имя Хрущева — его сподвижника-разоблачителя. Правда, странно?

А теперь попытаемся понять, почему мы живем в таком историко-топонимическом абсурде? Ведь, в сущности, гуляя по столице своей страны, гражданин должен как бы проходить по залам исторического музея, где продуман каждый стенд, каждая витрина, каждый экспонат. Однако, шагая по Москве, ощущаешь себя человеком, попавшим в мозаичный бред. Думаю, главная беда в том, что у нас нет внятной государственной идеологии, а значит, и консолидированной версии отечественной истории. Поверженной во Второй мировой

войне Японии запретили иметь армию. А России — кстати, единственной из частей поверженного и расчлененного СССР — запретили иметь идеологию. Не знаю даже, что хуже. Именно поэтому наша история не только непредсказуема, она — непримирима. Я не наивен и понимаю: на тот же советский период никогда не будет единого взгляда. Чудом уцелевший потомок обобранного дворянского рода, отпрыск пламенного троцкиста, расстрелянного в подвале НКВД, и правнук безземельного крес-

Думаю, главная беда в том, что у нас нет внятной государственной идеологии, а значит, и консолидированной версии отечественной истории. Поверженной во Второй мировой войне Японии запретили иметь армию. А России — кстати, единственной из частей поверженного и расчлененного СССР — запретили иметь идеологию. Не знаю даже, что хуже.

тьянина, выбившегося в наркомы, — все они будут по-разному относиться к событиям, случившимся между 1917-м и 1991-м. И что? В Вандее до сих пор с омерзением и ужасом вспоминают Великую Французскую революцию, что не мешает им петь «Марсельезу». Кстати, умолчание и замалчивание крупных исторических явлений и фигур началось не при Советской власти. Взгляните на памятник тысячелетию Руси в Великом Новгороде: царя Ивана Васильевича вы там не найдете. Его первая жена

Анастасия есть, его советник Адашев есть, а самого Грозного нет. Почему? А потому что монумент ставили при либеральном Александре II, который стеснялся своего крутого предшественника на троне. Вот так-то...

Конечно, нельзя ни в коем случае запрещать ученым спорить о роли Грозного или Сталина в истории, полемизировать о варягах, древности русского народа и других сложных вопросах. Не нужно мешать людям по вкусу любить «титанов» и ненавидеть «антихристов»: Петра Первого, Ленина или же Ельцина. Мы живем в свободной стране. Но при этом нам, как воздух, необходима непрерывная, преемственная история Отечества, без провалов, лакун и умолчаний. Нам нужна договорная, согласительная версия русской истории, пусть в чем-то сглаженная и спрямленная, но зато общегражданская — дающая внятную, последовательную картину развития государственности от зарождения до наших дней. Невозможно? Почему? Другие же страны с этим справились — те

же Штаты, например. А уж у них, Соединенных, противоречия между потомками коренных индейцев, первопоселенцев, афроамериканцев и мексиканцев будут покруче, чем наше противостояние «белых» и «красных». Да, кому-то не нравится, когда ругают «палача» Сталина, а кому-то обидно, если начинают перечислять неславянские фамилии начальников ГУЛАГа. Что ж, надо договариваться, искать компромисс. Официальная история — это искусство умолчания ради национального единства. (Не

путать с фундаментальной наукой, где примиряет лишь факт!) Если мы наконец обретем консолидированную, непрерывную версию отечественной истории, тогда станет понятнее масштаб событий и деятелей, станет яснее, кого следует увековечивать в городских названиях, а кого необязательно.

И начинать надо с Москвы. Хотим мы того или нет, но именно столица формирует мировоззренческие парадигмы и административный канон, по которому, нравится нам или не нравится, живет вся страна — по крайней мере в общественной сфере. Едва появятся логика и осознанность в столичной топонимике, тогда, уверяю вас, с бескрайних просторов Отечества сами собой исчезнут бесчисленные улицы Розы Люксембург, Урицкого, Володарского, Коммунистические и Коминтерновские про-

спекты, а заодно с ними и Трикотажные, Электрические, Элеваторные, Слесарные, Монтажные переулки... Для них найдутся иные названия, укорененные в истории городов и весей, сразу отыщутся имена праведников, подвижников, благодетелей, мудрых руководителей, местных любимцев муз или забытых героев. А такими наша земля обильна. Пусть при этом обязательно останутся в топонимике следы потрясающей советской эпохи, но по возможности в той пропорции, в какой она, эта эпоха, соотносится с тысячелетней историей Державы. И когда-нибудь, я верю, гость Москвы, спросив прохожего аборигена или просвещенного гастарбайтера, как попасть на проспект Ивана Калиты, получит привычный ответ:

— Налево, потом — направо, а дальше — прямо! ◆